

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 94(571.54/.55)“192/196”:343.771

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.3

Борьба с браконьерством на территории Забайкалья в 1920—1960-е гг.

Денис Николаевич Беспалько

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, bespalkodenis84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>

Аннотация. В Забайкальском крае со времени его освоения русскими землепроходцами в XVII в. и вплоть до 1920-х гг. население не знало какой-либо системы ограничения прав сезонной охоты. Открытие и закрытие промыслового сезона, объемы добываемой дичи, пушно-мехового и лекарственно-технического сырья зависели от инициативы отдельно взятой семьи или промысловой бригады. В 1920-е гг. поэтапно внедряются нормы советской законодательной практики, призванные бороться с правонарушениями и откровенными преступлениями в области сезонно-промысловых заготовок объектов живой природы. Однако до 1960-х гг. эффективность мер борьбы с браконьерством и пресечения нарушений правил охоты находилась на низком уровне. Центральные постановления управления охоты и звероводства систематически нарушались практически всеми категориями населения — как гражданами, так и сотрудниками правоохранительных органов наряду с военными. Причинами подобного положения дел являлись, с одной стороны, укоренившиеся народные традиции, с другой — отдаленность региона от европейской части государства, слабозаселенность огромной территории и суровые условия жизни.

Ключевые слова: советское охотничье-промысловое законодательство, правила охоты в СССР, промысловый сезон, правонарушение, браконьерство, «закон тайги», продукты охоты.

Для цитирования: Беспалько Д. Н. Борьба с браконьерством на территории Забайкалья в 1920—1960-е гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 31—44. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/3_45_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.3.

Original article

The fight against poaching in Trans-Baikal in 1920—1960

Denis N. Bepalko

Transbaikal State University, Chita, Russia, bespalkodenis84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>

Abstract. Since its development by Russian explorers in the XVII century and up to the 1920s the Trans-Baikal Territory has not had any restrictions on seasonal hunting. The opening and closing of the hunting season, the amount of game caught, the produced fur and medicinal raw materials depended on the initiative of a single family or a hunting team. In the 1920s, the norms of Soviet legislative practice were gradually introduced, designed to combat offenses and outright crimes in the field of seasonal harvesting of wildlife objects. However, until the 1960s the effectiveness of anti-poaching measures and suppression of violations of hunting rules were at a low level. The central regulations of the Department of Hunting and Animal Husbandry were systematically violated by almost all categories of the population, both civilians and law enforcement officers along with the military. The

© Беспалько Д. Н., 2023

reasons for this state of affairs were, on the one hand, rooted folk traditions, on the other hand, the remoteness of the region from the European part of the state, the sparsely populated vast territory and harsh living conditions.

Keywords: Soviet hunting legislation, hunting rules in the USSR, hunting season, offense, poaching, “taiga law”, hunting products.

For citation: Bepalko D. N. The fight against poaching in Trans-Baikal in 1920—1960. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 1 (45), pp. 31—44. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.45.3>.

Введение

Система защитно-охранительных мер промысловой фауны от хищнической эксплуатации на территории России и Забайкалья в частности в 1920—1960-е гг. постепенно развивалась от малоэффективной практики изъятия у населения средств незаконной охоты до крупных денежных штрафов и несения уголовной ответственности. Активизация борьбы с браконьерством и систематическим нарушением правил охоты была объективно связана прежде всего с процессом развития мирового пушного рынка. Пушно-сырьевая продукция, играя значимую роль в обеспечении экономического благосостояния страны, начиная с 1920-х гг. имела устойчивую тенденцию к ежегодному увеличению общего объема заготовок и падению ее стоимости на международных аукционах. Причиной тому послужило повсеместное становление звероводческих хозяйств в странах Европы и Северной Америки, вызванное, в свою очередь, существенным истощением собственных промысловых ресурсов. Запасы последних в России были огромны, но не бесконечны. Их бесконтрольная добыча привела к целому ряду трудно решаемых проблем, среди которых необходимо, на наш взгляд, выделить всесезонное уничтожение крупных парнокопытных и особо ценных пушных видов, а также невозможность бесконфликтного внедрения единообразных правил охоты для всех без исключения регионов.

Промысловое население европейской части России еще до 1917 г. было так или иначе подчинено действию сезонно-ограничительных правил об охоте, изданных в период с 1882 по 1917 г., но на Забайкалье, как, впрочем, и на всю территорию Дальнего Востока, данные правила не распространялись. Основными причинами этого, по мнению Г. И. Вольфмана, Б. Н. Звонкова и других исследователей в области отечественного охотничье-промыслового законодательства, явились слабая заселенность огромных пространств, невозможность осуществления эффективного контроля и наличие огромных запасов промысловой фауны [6; 31]. Охотники привыкли жить свободно и ориентироваться не на правительственные постановления, регламентирующие заготовительные порядки, а на дремучий «закон тайги». Данный закон, а вернее таежная традиция, являлся основанием, допускающим не только круглогодичный отстрел зверей, дающих мясную, пушную и лекарственно-техническую продукцию, но и возможность оказания противодействия органам правопорядка через распространенную практику народного правосудия, получившую в нормативно-правовой литературе наименование «суда Линча».

В период существования Дальневосточной Республики (ДВР, столица г. Чита, современного Забайкальского края) (1920—1922 гг.) робкие предложения законодателей и охотников по охране охотфауны и борьбы с браконьерами не имели особого успеха, так как отсутствовала сама возможность пресечения незаконной добычи на местах [2; 8, л. 9—9 об.; 9, л. 34—35]. После присоединения территории ДВР к РСФСР в Забайкалье начинает действовать советское промысловое законодательство, отраженное в статьях природопользования и охраны животного мира [36]. Главный упор делался на изъятие средств производства охоты, что, по мнению делегатов ВЦИК, должно было затруднить правонарушителям совершение повторного преступления. В дальнейшем путем проб и ошибок УК РСФСР совершенствуется в сторону предусмотрения уголовной ответственности за

«производство охоты в запрещенных местах, в запрещенные сроки, запрещенными способами или орудиями» [26; 31; 36].

Научная разработка вопросов совершения правонарушений охотничье-промыслового законодательства на территории Забайкалья в 1920—1960-х гг., в отличие от ряда других регионов России [25; 28; 29], достаточно скудна. Имеются краткие упоминания о наносимом браконьерами вреде в литературно-художественных произведениях региональных авторов-охотников, которые невозможно проверить на подлинность [34]; в опубликованных воспоминаниях местных охотоведов, например, старейшего сотрудника Читинского охотуправления Е. Б. Самойлова [35]; неопубликованных трудах бывшего министра ДВР по делам рыболовства и охоты Н. А. Михайловского — «Краткий очерк охотничьих промыслов в Забайкальской губернии», «Охотничий вопрос и роль концессионной формы эксплуатации пушных богатств в организации правильного охотничьего хозяйства» [7—10]; неопубликованных статьях и особых мнениях начальника Управления по делам охотничьего хозяйства при облисполкоме В. П. Евладова и его заместителя В. В. Свинивникова, старшего госохотинспектора А. Е. Ивах, охотинспектора и охотоведа Д. П. Ровенского, директора Каларского ондатрового промхоза Б. А. Киршфельда и др. [11—24]. В работах общего плана, например А. А. Гартфельда [26], не затрагивается специфика региональной составляющей и, как правило, исследование посвящается одному конкретному направлению, без комплексного подхода к проблеме.

Хронологические рамки исследования включают 1920—1960-е гг. и обосновываются тем, что в данный период, несмотря на поэтапную разработку комплекса защитно-охранительных мер противодействия, направленных на пресечение незаконной добычи охотничье-промысловой фауны, их практическое внедрение в Забайкалье долгое время оставалось слабо реализованным. Тем не менее именно в указанное время шел поступательный процесс формирования общественно полезного мнения среди гражданского населения и значительной части сотрудников правоохранительных органов, что браконьер — вредитель, а наносимый им вред есть уголовное преступление, за которое необходимо карать по всей строгости закона. Процесс имел сложный и противоречивый характер, поскольку до 1920-х гг. статьи промыслового законодательства, ограничивающие право сезонной охоты местного населения в регионе, не применялись. И даже немногим позднее не находили соответствующей поддержки в обществе, рассматриваясь исключительно как нарушение экономических прав. В период Великой Отечественной войны, когда наиболее остро проявилась продовольственная проблема и на кону стоял вопрос элементарного выживания, заготовка мясо-дичной и лекарственно-технической продукции по факту практически никак не нормировалась.

Вплоть до конца 1950-х — начала 1960-х гг. не велось систематической борьбы с браконьерством, хотя удручающая обстановка в охотничьих угодьях, т.е. повсеместное истощение промыслового фонда ценных пушных и мясо-дичных видов, настоятельно этого требовала. И только в обозначенное выше время начинается качественно новый этап борьбы с браконьерами и прочими нарушителями сезонных правил охоты. Связано это с выходом ряда важных постановлений Совета Министров СССР, означающих на деле коренную реорганизацию промыслового хозяйства страны, и прежде всего его правовой и организационно-экономической составляющей. Сюда необходимо отнести постановление от 11 мая 1959 г. «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства», в октябре 1960 г. утверждено новое «Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР», 23 февраля 1962 г. — «Об улучшении руководства пушно-промысловым хозяйством РСФСР» и т.д. На базе государственных охотничьих инспекций были созданы управления охотничье-промыслового хозяйства. Борьба с браконьерством не просто

вменялась в обязанность сотрудникам охотуправления, районных охотхозяйств и лесной охраны, но и вводилась в рамки строгой отчетности.

В этой связи целью данной статьи является комплексный анализ причинно-следственных связей правонарушений в сфере советского охотничье-промыслового законодательства и мер их пресечения на территории Забайкалья в 1920—1960-х гг. Решались следующие задачи:

- классифицировать известные нарушения охотничье-промыслового законодательства в регионе;
- выявить основополагающие причины, ведущие к нарушению закона;
- изучить комплекс мер противодействия браконьерам, сильные и слабые стороны применяемых наказаний.

Изучение темы проводилось в соответствии с основными принципами исторического исследования — объективности и историзма. Исходя из этих принципов в статье определен и использован ряд методов научного познания: историко-сравнительный метод позволил выявить преемственную основу и различия причинно-следственных связей несоблюдения правил охоты в контексте дореволюционного и советского времени; с помощью конкретно-исторического метода изучена специфика нарушения охотничье-промыслового законодательства на территории Забайкалья; формально-юридический метод положен в основу систематизации и конкретизации региональных особенностей промыслового правонарушения.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Классификация нарушений охотничье-промыслового законодательства

Источниковая база позволяет нам разделить классификационную структуру нарушений правил охоты и непосредственно браконьерства на два этапа. На первом этапе, до 1940-х гг., противоправные деяния выражались преимущественно в трех видах незаконной заготовительной деятельности: во-первых, в безлимитном, безлицензионном и всесезонном отстреле копытных (более 80% от общего числа вскрытых нарушений), нередко сопровождающемся дальнейшей незаконной скупкой охотпродукции посредником и реализацией ее через фактории и магазины районных заготовительных контор (РЗК); во-вторых, в добыче и сдаче в РЗК пушно-мехового сырья без наличия охотничьего билета, разрешающего проведение охоты на территории промысловых угодий (порядка 15—17%); в-третьих, в использовании запрещенного самодельного оборудования и рытья на звериных тропах ловчих ям (3—5%). На втором этапе, с 1950-х гг., охотоведческие отчеты, дополненные сведениями, полученными от общественных охотинспекторов и егерей, позволяют выделить гораздо больше типов вскрытых нарушений: 1) осуществление безбилетной охоты (45—50% от общего числа нарушений); 2) охота в запрещенные сроки (20—30%); 3) незаконная добыча ценных пушных видов, допускаемая только по специальным лицензиям (1—3%); 4) незаконная добыча цветной пушнины (20—30%); 5) добыча запрещенными способами (1%); 6) охота в запрещенных местах (1%); 7) прием РЗК у охотников «лежалой» пушнины и без предъявления билета (1%) и др. [22, л. 1—4; 24, л. 2—6].

Незаконной заготовкой «дикого» мяса для личных нужд и его дальнейшей реализацией на «черном» рынке в основном занималось население районов, живущее по отдельным заимкам и деревням, находящимся вдалеке от крупных населенных пунктов. Это прежде всего лесная охрана, дорожные рабочие, сторожа, охраняющие в тайге постройки золотопромышленных предприятий, старатели золотодобывающих артелей, военные и, конечно же, колхозники. В полевых отчетах охотоведов нами неоднократно встречались подробные описания сокрытия сельскими жителями и лесниками видовой принадлежно-

сти употребляемого в пищу мяса. Например, если зайти в домик любого лесообъездчика, писала выпускница Московского пушно-мехового института М. Азбукина, изучавшая состояние охотничьего промысла и использование охотугодий Южного Забайкалья на рубеже 1940—1950-х гг., то «гостеприимная хозяйка поставит на стол мясные щи и лицемерно будет уверять, что третьего дня последнюю телушку зарезали, а в щах предательски плавают сохатинные волосы» [18, л. 61—62].

Выяснение причин подобного положения дел приводило, как правило, к общему ответу — люди шли работать в лесную охрану только потому, «что тут облегчено браконьерство». Пойманные за разделом туши или при ее транспортировке откровенно говорили: «Кто бы в ней, в тайге этой, и жил-то, кабы не мясо с рыбой». Сохранилось содержание десятков разговоров обвиняемых в браконьерстве, но не пойманных с полным, с лесниками и представителями районных администраций. Из них видно, что на все предупреждения следовал ответ от браконьера, недвусмысленно подразумевающий расправу в отношении правоохранителя, егеря или общественного инспектора [18, л. 62].

Более всего в Забайкалье уничтожалось изюбрей. Вид разрешалось добывать только по лицензии на время пантовки, с 15 июня по 15 июля, но сезонные ограничения не соблюдались. Охотники предпочитали ориентироваться на устные основы. Причиной тому являлось повсеместное распространение вида и существенная разница в размере штрафа за незаконную заготовку по сравнению с другими парнокопытными. С 1940-х гг. за незаконно добытого (без лицензии) лося полагалось заплатить штраф в размере 10 тыс. руб., в то же самое время за изюбря — всего 1 тыс. руб. Осложняло ситуацию в регионе также то, что браконьеры стремились добывать в зимнее время беременных самок по причине большей жирности их мяса.

Количество отстрелянных зверей одним охотником обычно определялось потребностью семьи в мясе. Однако некоторые браконьеры научились давать и «товарную продукцию». По зимним таежным дорогам и тем более зимникам (речным руслам) стабильно курсировали перевозчики грузов и лесовозы. Ничего не стоило договориться с шоферами подвезти мясо до ближайшего населенного пункта, где верный человек за соответствующую плату занимался реализацией мяса по знакомым и соседям. На севере края распространенным явлением были случаи реализации мяса прямо в тайге, что не оставляло практически никаких следов преступной деятельности [17, л. 132]. Например, рабочие приисков добывали мясо как по распоряжению начальства, так и в частном порядке, затем сбывая продукцию другим старателям за небольшое вознаграждение в виде нескольких граммов золотого песка [14, л. 228]. Отмечались случаи добычи занесенного в Красную книгу снежного барана и незаконного отлова лосят с целью дальнейшего стойлового содержания [3, с. 137; 5].

Охотничий билет предоставлял право беспрепятственной охоты на территории промыслового угодья всем, не лишенным такового по приговору суда. Но нередкими бывали случаи, когда охотники выходили на промысел без разрешающего документа или с просроченным. Попытки охотоведов добиться в облисполкоме указания заготовительными конторами на пушнозаготовительных квитанциях номера охотбилета и сдатчика пушнины не имели успеха [13, л. 183]. Долгое время по приемным квитанциям не было возможности судить, принята ли пушнина от полноправного охотника или от браконьера, не имеющего билета. Руководители заготовительных контор, ориентируясь на годовой план заготовок, были готовы идти на любые ухищрения посредством нарушения закона, в том числе приема «лежалых» шкур прошлогоднего боя, лишь бы его выполнить [20, л. 73].

Распространенным нарушением правил охоты была круглогодичная добыча крупных парнокопытных при помощи ловчих ям [11, л. 20—21], запрещенных еще в XIX в.

Фиксировались случаи нарушения правил охоты с использованием запрещенных орудий лова. Охотники с мест сообщали, что порой обнаруживали вблизи сельских поселений установленные на волка самострелы, т.е. «настороженные» ружья. Среди других запрещенных способов охоты — установка медвежьих капканов без заметных для человека опознавательных знаков, пускание пала, применение ядохимикатов, сетей, удушающих петель, засек и т.д. [20, л. 70]. Расследованием столь вопиющих случаев, по сообщению руководителя Каларской охотоведческой экспедиции 1950—1951 гг. В. И. Вигского [1] и других, никто не занимался.

Нами в ходе изучения фондов ГАЗК за 1920—1960-е гг. также не было обнаружено ни одного заведенного на охотника уголовного или административного дела, доведенного до суда по статье применения запрещенных способов охоты. Из неопубликованных воспоминаний и трудов бывшего министра ДВР по делам рыболовства и охоты Н. А. Михайловского можно узнать, что вплоть до конца 1920-х гг. случались общественные прения на местах относительно законности запрещения использования самоловного оборудования [7, л. 1—17, 18—26 об.; 10, л. 48—49 об.]. Речь, конечно же, идет не о полном запрещении такового, а лишь о калечащих и варварских устройствах давяще-удушающего принципа действия [4, с. 103—107].

2. Причины нарушения охотничье-промыслового законодательства

В соответствии с региональной спецификой причины можно было бы условно разделить на довоенные (до 1941 г.) и послевоенные (с 1945 г.), как порой предлагали охотинспектора из Управления по делам охотничьего хозяйства при Читинском облисполкоме [22, л. 13—15]. Основанием для этого считалось послабление промыслового законодательства в годы Великой Отечественной войны, когда значительная часть правонарушений если и не была декриминализована, то в плане заготовок мясных продуктов питания для фронта и тыла допускались негласные скидки. Но при внимательном изучении документальных свидетельств причинно-следственных связей мы пришли к выводу, что подобная градация не отвечает реальному положению дел. Основное отличие заключается лишь в большем или меньшем следовании промысловиков укоренившимся таежным традициям.

Довоенные причины, таким образом, характеризуются определяющим влиянием указанного выше «закона тайги». В соответствии с ним подавляющее большинство населения Забайкалья воспринимало объекты живой природы как общественное достояние, естественным образом сочетающееся с правом личной инициативы бесконтрольной эксплуатации. Усиливали подобные представления отдаленность региона от столичного центра, малонаселенность районных поселений, отсутствие на местах должного количества сотрудников лесной охраны, егерей и пр. Нередко случались голодные годы, что, по верному мнению В. И. Мерцалова, только усиливало эксплуатационное воздействие человека на промысловую фауну вне зависимости от ее общего состояния [33, с. 82]. Снабжение продовольственными товарами не только периферии, но и г. Читы находилось не в лучшем состоянии, поэтому только благодаря продуктам охоты, в том числе добытым незаконно или с элементами нарушений, многие семьи имели возможность хоть как-то разнообразить свой рацион питания, а порой выжить. Власти региона это понимали и в значительной мере смягчали наказание пойманных с поличным либо вовсе парировали законы необязательностью их исполнения на свой страх и риск [21, л. 69—70].

Отношение к злостным браконьерам, занимающимся уничтожением промысловой фауны ради наживы, было, конечно, отрицательным, но далеко не однозначным в силу вышесказанного. До поры до времени правоохранительные структуры закрывали глаза на происходящее в промысловых угодьях расхищение «социалистической собственно-

сти», так как не располагали реальными силами для борьбы даже в окрестностях городской черты. Хуже всего дело обстояло в глухой тайге, особенно в приграничной полосе. Остановить браконьера или попытаться его обезоружить можно было только в сопровождении вооруженного патруля. Повсюду действовал «закон тайги», чем объясняется полная бездеятельность значительной части общественных инспекторов и просьба активных сохранить их фамилию в тайне [13, л. 183—214].

В послевоенное время ситуация менялась медленно, коренного перелома не наблюдалось вплоть до конца 1950-х — начала 1960-х гг. Снабжение населения продуктами питания ухудшилось еще в годы войны и до 1950-х гг. находилось в неудовлетворительном состоянии. Голод толкал людей на браконьерство, и, понимая это, власти, как и в довоенный период, старались лишней раз не заводить уголовные дела. Акты о браконьерстве составлялись ежегодно, но чаще всего оставались без разбора, и редкий правонарушитель нес штрафную или иную ответственность. Периодически можно встретить случаи противостояния общественных охотинспекторов с представителями районных администраций, требующих отозвать поданные в суд иски на рядовых колхозников, председателей колхозов и городских охотников-любителей за учиненное браконьерство с целью наживы [15, л. 50—52].

Под давлением партийной номенклатуры инспекторов вынуждали прекращать общественное преследование, а районные прокуратуры неоднократно заворачивали поступившие в разработку дела. В 1948—1953 гг. на территории Газимуро-Заводского и Тунгиро-Олекминского районов происходили вопиющие случаи, когда прокуроры открыто вставали на защиту браконьеров, несмотря на осуждение последних народным судом, а именно создавали условия для отклонения уплаты за нанесенный народному хозяйству ущерб и всячески затягивали рассмотрение дел. Исполнительные листы задерживались ровно настолько, чтобы по истечении срока давности браконьеры могли использовать акт о несостоятельности вынесенного приговора и не нести никакой ответственности [13, л. 72—73].

Возможно, это связано с тем, что сотрудники силовых структур и служители закона сами неоднократно нарушали правила охоты, толком их не зная или злоупотребляя своим положением. И только настойчивость охотоведческих структур не давала спустить все на тормозах. Так, в пояснительной записке к отчету 1948 г. начальник управления по делам охотничьего хозяйства при Читинском облисполкоме В. П. Евладов подробно описывал несколько случаев беззакония со стороны районных представителей МВД и борьбу за справедливое наказание. Снятия с поста начальника РО МВД Улетовского района за попустительство браконьерству или исключения из рядов ВКП(б) и 12 лет заключения по суду начальника РО МВД Хилокского района за браконьерство удалось добиться ценой огромных усилий [12, л. 72]. В 1951 г. был задержан член руководящего облисполкома, начальник сельхозуправления за охоту на тетеревов с подъезда на автомашине [12, л. 72]. Эти факты доказывают, что перелома в благодушном отношении к браконьерству приходилось добиваться даже у работников высших органов районного и областного управления.

РЗК были обязаны пресекать сдачу нелегально добытого пушно-мехового сырья в специально организованных местах сбора. Но на деле филиалы Союзпушнины и потребкооперации борьбу с браконьерством не вели, поскольку это не соответствовало ведомственным интересам. Плановые показатели годовых заготовок стояли превыше всего.

Облегчало незаконную охоту наличие огромных таежных просторов, куда не могли проникнуть малочисленные сотрудники инспекции. Территория егерских участков в среднем составляла 35 тыс. га, а правоохранителям для полноценного противодействия

не хватало людей и техники. На промысловый район порой приходилось всего 3 лесобъездчика, одновременно занимающихся охраной лесонасаждений от пожаров и наблюдением за соблюдением правил и сроков сезонной охоты [11, л. 19—20]. Государственная инспекция, борющаяся с преступлениями на местах, в частности в тайге, должна быть подвижной, оперативной, хорошо вооруженной и по-особому оснащенной [27]. Ничего этого в охотничьей инспекции не имелось, поэтому и работа велась от случая к случаю, не являлась планомерной, тем более при отсутствии содействия со стороны облисполкома. В окрестностях Читы военнослужащие, владельцы личных машин и мотоциклов безнаказанно промышляли круглый год, но без транспорта с ними невозможно было бороться. Выделяемый же инспекции автотранспорт требовал ремонта, на который не хватало средств. В 1959 г. главный госохотинспектор П. Зимин, ходатайствуя в Москву, писал, что техники нет даже в самой Чите, а выделенная сломана (речь шла о ГАЗ-АА «полуторка» с 315 тыс. км пробега). Плохо обстояло дело и с водительскими удостоверениями. Любительские права на вождение машины имел 1 работник госохотинспекции и еще один — на вождение мотоцикла [22, л. 226—227]. Остальным за неимением лучшего приходилось использовать лошадей. Транспортная проблема не могла быть решена без прокладки гравийных дорог в стратегически важных районах промысловой деятельности. Тем более что использование лошадей до начала 1950-х гг. ограничивалось южной частью севера Забайкалья (с наиболее продуктивными пушно-сырьевыми угодьями) по причине отсутствия необходимой кормовой базы.

Следующей по степени важности была проблема долгого отсутствия практики учета лицензий на отстрел копытных, как, впрочем, и строго фиксированный видовой лимит, имеющий устойчивую тенденцию к изменению в течение промыслового сезона. Это приводило к тому, что зачастую выданная лицензия не возвращалась охотниками обратно. Тогда мера, направленная на пресечение незаконной добычи, превращалась в условие, ей способствующее. Имея на руках хотя бы старую лицензию, нарушитель был практически неуязвим [16, л. 91—92]. Охотоведы настоятельно рекомендовали за несдачу в срок промысловых разрешений привлекать к уголовной ответственности и указывать это в самом разрешении.

Серьезной причиной, толкающей охотников на преступление, являлось плохо налаженное снабжение населения районов обувью. Валенки достать было трудно, а ичиги часто не соответствовали размерам стопы, были меньших размеров. Добыв же зверя, охотники делали всей семье обувь, тем самым, по сути, совершая второе правонарушение — незаконно выделывали шкуры и шили обувь (действовал запрет на кустарную переработку в домашних условиях пуш-, мех-, кожсырья).

Еще одним условием, способствующим сохранению и развитию браконьерства, являлось наличие на руках у населения огромного количества огнестрельного оружия. Гладкоствольные ружья продавались свободно вплоть до 1960-х гг. по предъявлении паспорта и охотничьего билета в магазинах промтоваров.

3. Меры противодействия

С нарушением правил охоты и браконьерством до 1960-х гг., как было обозначено ранее, в силу объективных причин боролись слабо. Осложняло работу попустительство областных и районных работников, небольшое число охотинспекторов, отсутствие на руках у населения сборника законов и распоряжений правительства о борьбе с браконьерством, ясных указаний о процессуальном порядке прохождения этих дел. Несмотря на проводимую перерегистрацию охотинспекторов, рассылку им бланков протоколов, индивидуальный инструктаж большого количества ответственных лиц и выезды работников охотуправления с проверками заготовительных организаций — осуществлялся осмотр

пушнины на складах и приемо-сдаточных актов филиала Иркутской базы, этого было явно недостаточно. Из отчетов по работе областной плановой комиссии, куда входили и госохотинспектора, становится ясно, что последние всего 3 раза в год могли выезжать на места с обследованием районных хозяйств, попутно проводя фиктивный осмотр факторий местных РЗК с целью выяснения случаев нарушения правил охоты, незаконной скупки охотпродукции и реализации ее через магазины заготовителей. Большая часть штатных сотрудников охотхозяйства, кто мог своевременно выявлять нарушения и проводить профилактические работы, не имела и такой возможности. Органы надзора и народные суды бездействовали. Борьба охотуправления за деятельное участие прокуратуры давала лишь кратковременный эффект.

Наиболее суровой формой ответственности за браконьерство являлось уголовное преследование и тюремное заключение с возмещением ущерба, нанесенного охотничье-промысловому хозяйству [30, ст. 586, 591]. Однако документальная база ГАЗК при этом свидетельствует, что применение крайней меры наказания осуществлялось в Забайкалье редко. Из всей массы зафиксированных случаев браконьерства, в том числе повторных, когда совершившие их по УК РСФСР подлежали безоговорочному заключению в места лишения свободы, лишь незначительная часть в порядке судебного постановления доводилась до справедливого вынесения приговора. К сожалению, архивные материалы в силу крайней разрозненности дел и их частичной сохранности не дают всей полноты необходимой информации, а значит, и возможности объективного суждения. Приблизительное количество браконьеров, получивших в 1920—1960-е гг. реальные сроки за совершение хищнических и иных преступных действий в отношении объектов живой природы, не превышает, по нашим подсчетам, нескольких десятков человек.

Штрафы помогали не всегда. Частично сохранившиеся годовые отчеты за 1932—1951 гг. по специальным средствам показывают, что в борьбе с браконьерством Читинское охотуправление не добилось серьезного результата. Выписанные злостным нарушителям штрафы за 1940-е гг. суммарно не превышали 1,5—3 тыс. руб., за 1950-е гг. — порядка 10 тыс. руб. как на отдельного охотника, так и на организацию. Но взыскание присужденных сумм шло неудовлетворительно по причинам того, что большинство задержанных охотников являлись колхозниками и удержание с них производилось только в конце отчетного года, слишком низких окладов и невозможности в указанный по закону срок погасить штраф. Например, в деле указывалось, что охотник осужден к уплате 10 тыс. рублей штрафа. Удержание производилось из заработной платы в 180 руб., по 30% ежемесячно, т.е. 54 руб. Таким образом, погашение всей суммы штрафа осуществлялось не ранее чем через 15,5 лет. Или, как в другом распространенном случае, когда высчитывалось в качестве штрафного удержания 4% от зарплаты, так как охотник платил штраф по трем исполнительным листам [12, л. 190]. Заработать от реализации мясо-дичной продукции можно было кратно больше, поэтому угроза штрафных взысканий работала слабо [18, л. 61—64]. Золотопромышленные организации разрабатывали золотоносные жилы далеко в тайге, поэтому зафиксировать реальное нарушение охотничье-промыслового законодательства было трудно. Но даже в случае наличия прямых доказательств, например добычи лося или изюбря без лицензии, своевременно взыскать штраф было практически невозможно [14, л. 228]. За обычные нарушения правил охоты наказывали штрафом в 100 руб., с 1960-х гг. увеличив его в 3 раза.

Планируемые финансовые показатели от реализации конфискованной добычи не превышали 25 тыс. руб. ежегодно, но реальные поступления редко превышали 40—50%, порой оказывались нулевыми. Факты задержания браконьеров с заготовленной продукцией на месте преступления и прямые улики рассматривались со слов присутствующих

при этом сотрудников охотуправления как спорные [14, л. 228], или не было возможности доставить конфискованную мясо-дичную продукцию в точки ее продажи населению. А если случаи браконьерства и подтверждались, то зачастую уже после реализации незаконно заготовленной продукции, что в судебном порядке, как правило, доказать было весьма проблематично.

Сохранилось немало егерских отчетов о тщетных попытках поймать браконьеров на искусственно созданных солонцах или специально оборудованных местах хранения в тайге продуктов — лабазах [14, л. 370]. Любители из Добровольного общества охотников (ДОО) и городские охотники-одиночки постоянно сообщали в охотуправление, что в лесных массивах общего пользования и ведомственных охотхозяйствах можно встретить браконьерские «лежки» и даже заготовленное мясо в виде 2—3 цельных или разделанных туш крупных парнокопытных. Выезды на такие места, что случалось редко и только в пределах Читы или крупных районных поселений, не приводили к желаемым результатам. И в 95% задокументированных случаев имеется краткое заключение: «правонарушитель не объявился, задерживать было некого».

Развитие лицензионной охоты представлялось наиболее перспективным методом борьбы с правонарушениями при заготовке ценных пушных видов и крупных парнокопытных. Однако внедрение данной практики встретило значительные трудности технического характера и в силу безответственного отношения части сотрудников охотхозяйственного ведомства. Лицензии использовались не в полном объеме, так как порой их отправка в запрашиваемый район осуществлялась лишь к середине января. Это, в свою очередь, вело к тому, что охотники не спешили получать «бумажный квиток» на добычу лося в наиболее сложный зимний заготовительный период, а незаконно заготавливали мясо в конце лета и осенью. По сообщениям охотоведов, массовое истребление поголовья лосей и изюбрей в летний период прекратилась только к 1947 г., причем в ряде районов по причине катастрофического снижения численности животных. Тем не менее с введением лицензированного отстрела добыча немного упорядочилась, так как за год в одном промысловом районе разрешалось добывать несколько сотен голов каждого вида. Заготовка соболиной пушнины полностью запрещалась с 1935 г. Снятие запрета осуществили лишь в конце 1950-х гг. после проведения масштабных реакклиматизационных мероприятий на территории Витимо-Олекминского очага и естественного восстановления поголовья в Южно-Забайкальском очаге. Но сдача добытых шкурок разрешалась только в строго установленный по лицензии срок с возможным несением уголовной ответственности за отстрел вида без специального разрешения. Насколько успешной стала практика выдачи лицензий в борьбе с правонарушениями, свидетельствует следующий неоспоримый факт: если дикое мясо можно было относительно легко реализовать среди сельского населения, то ценную пушнину — нет. За прием соболиных шкурок без лицензии в РЗК могли последовать особо крупные штрафы, а приемщику — уголовное наказание. Но лазейка всегда находилась, и браконьеры пользовались практикой сдачи «лежалой» пушнины, т.е. незаконная добыча производилась в один промысловый сезон, а сдача спустя год и при наличии законно выданной лицензии.

В 1959 г. выходит правительственное постановление о развертывании работы заповедников и организаций Всероссийского общества охраны природы по пропаганде среди населения мероприятий по охране природных богатств путем проведения докладов, бесед, выступлений в местной печати, по радио и издания научно-популярной литературы. Центральные печатные органы начинают усиленно публиковать антибраконьерские материалы, предназначенные для чтения широкой аудиторией, где прослеживается мысль о

взаимосвязи основ государственно-экономической безопасности и культурного развития общества с искоренением браконьерства [32; 20, л. 97—103].

С браконьерами пытались бороться путем легализации весенней охоты на водоплавающую дичь. На основе постановления Совета Министров РСФСР от 2 июня 1960 г. об усилении работы по вовлечению охотников-любителей в Росохотсоюз разворачивались прения о разрешении продления спортивных промыслов на 12—15 суток, так как вступивший ранее запрет на весеннюю охоту и ее отсутствие осенью стало причиной выхода из обществ охоты многих активных членов. Считали, что временное разрешение весенней охоты усилит активность в работе обществ охотников области, поднимет актив на борьбу с браконьерством и охрану охотничьей фауны со стороны региональных охотколлективов [23, л. 63].

За активное участие в борьбе с браконьерством учредили наградные премии, выделяемые из специальных средств, предусмотренных финансовым планом управления по делам охотхозяйства при Читинском облисполкоме, в размере 1 тыс. руб.

Заключение

Формирование представления об общественной опасности и вреде от незаконной охоты шло медленными темпами и с переменным успехом, в том числе в правоохранительной среде. До начала 1960-х гг. в Забайкалье не велось систематической борьбы с правонарушениями в области охотничье-промыслового законодательства, что выражается в следующих характерных явлениях:

1) государственная охотничья инспекция проявляла бездеятельность в борьбе с браконьерством, не вела широкой разъяснительной работы среди населения за сохранение и приумножение промыслового фонда, за строгое соблюдение правил и сроков охоты;

2) органы лесного хозяйства и охраны лесов, милиции и добровольные общества, на которые возлагались обязанности по борьбе с браконьерством, на деле не осуществляли этих функций или, наоборот, способствовали увеличению правонарушений;

3) органы прокуратуры и суда допускали медлительность в рассмотрении дел на пойманных правонарушителей, а присужденные суммы за нанесенный ущерб в должном объеме своевременно не взыскивались, что вело к безнаказанности преступлений;

4) полевые отчеты руководителей охотоведческих экспедиций 1920—1960-х гг. по состоянию забайкальских промысловых угодий свидетельствуют, что мясо-дичная продукция добывалась населением незаконно до 90% случаев, пушно-сырьевая — ориентировочно до 30—50%, лекарственно-техническая — до 100% [17, л. 75—77; 18, л. 63; 19, л. 82—83 и др.].

Четкая регистрация заводимых на браконьеров административных и уголовных дел, постоянное наблюдение за ходом следственного процесса, введенные не ранее начала 1950-х гг., реально заработали только в 1960-е гг. По образцу московского охотуправления в Забайкалье начинают печатать и рассылать каждому общественному инспектору бланки протоколов на нарушителей, памятки-инструкции, правила охоты карманного формата, публиковать соответствующие материалы в СМИ, озвучивать в радиопередачах и т.д. В целях дальнейшей борьбы с браконьерством управление охотхозяйства активно проводило политику сохранения и укрепления лицензионной системы заготовок. Но этого оказалось недостаточно. Следовало отказаться от практики изменения спущенных лимитов в период промыслового сезона. Запретить сбор «лежалых» соболей и других видов, дающих ценное пушное сырье. Увеличить штат охотинспекторов с таким расчетом, чтобы обеспечить действенный контроль за правильной организацией промыслов в соболиных очагах и местах общепромысловой охоты [1]. Ввести ответственность руководителей заготовительных организаций за правильную эксплуатацию мясо-дичных

и пушно-сырьевых запасов на территории их деятельности. Для достижения большего эффекта в регионе планировали организовать несколько спортивных охотхозяйств для охотников из вооруженных сил и добровольных обществ охотников, что и было частично сделано в течение 1960-х гг.

Практическое внедрение защитно-охранительных мер должно было рано или поздно привести к желаемым результатам, заставить охотников соблюдать законы и правила сезонной охоты, а административно-правоохранительные структуры заниматься профилактикой, пресечением служебных злоупотреблений и браконьерства. Действительно, в течение 1950—1960-х гг. происходил постепенный перелом, центральные и районные должностные лица поняли, что нарушение промыслового законодательства есть полноценное преступление, стали оказывать охотинспекции помощь в расследовании зафиксированных случаев браконьерства и дальнейших судебных разбирательствах.

Список источников

1. Беспалько Д. Н. Исследование Каларского района охотоведческой экспедицией 1950 года по учету охотничье-промысловой фауны // Забайкалье историческое. VII Межрегиональная науч.-практ. конф., 30 ноября 2018 г. Чита : ЗабГУ, 2018. С. 5—10.
2. Беспалько Д. Н. Проблемы регулирования традиционных основ охотничьего промысла малых народов Забайкалья в 1920—1922 гг. // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Чита, 16 мая 2019 г.). Чита : ЗабГУ, 2019. С. 116—118.
3. Бентхен П. В. Ресурсы охотничьей фауны и перспективы развития охотничьего хозяйства Каларского района Читинской области в связи с промышленным освоением // Известия Иркутского сельскохозяйственного института. 1967. Вып. 25, ч. 1. С. 100—147.
4. Бутурлин С. А. Настольная книга охотника. Вологда : Всекохотсоюз, 1930. 352 с.
5. Водопьянов Б. Г. Снежный баран в Северном Забайкалье и возможности его хозяйственного использования // Пути повышения эффективности охотничьего хозяйства. Иркутск, 1971. Ч. 1. С. 55—57.
6. Вольфман Г. И. Ответственность за преступления в области охраны природы. Квалификация и наказание / под ред. В. И. Новоселова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 80 с.
7. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 26.
10. ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 38.
11. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 3.
12. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 6.
13. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 14.
14. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 22.
15. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 25.
16. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 34.
17. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36.
18. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48.
19. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 53.
20. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 65.
21. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 66.
22. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 70.
23. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 76.
24. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 80.
25. Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822—1991 гг.). Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2015. 370 с.
26. Гартфельд А. А. Виды ответственности за незаконную охоту (браконьерство) в России в первой половине XX в. // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 1. С. 65—71.
27. Герасимов Ю. А. Справочник егеря. М. : Агропромиздат, 1988. 271 с.
28. Гололобов Е. И. Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг. (к вопросу о становлении регионального природоохранного законодательства) // Северный регион. Сургут : СурГУ, 2001. № 2 (4). С. 161—173.

29. Гололобов Е. И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917—1930): Исторические корни современных экологических проблем. 2-е изд., перераб. и доп. Ханты-Мансийск : Издат. дом «Новости Югры», 2013. 214 с.
30. Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40.
31. Звонков Б. Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1967. 230 с.
32. Лавринайтис Т. Беречь тайгу от браконьерства // Забайкальский рабочий. 1957. 14 июня.
33. Мерцалов В. И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII — начало XXI в.). Чита : ЗабГУ, 2019. 158 с.
34. Охота в Забайкалье : сб. рассказов. Вып. 1—5 / под ред. Ю. С. Шумилова. Чита : Форвард, 2010—2022.
35. Самойлов Е. Б. Записки охотоведа. Кн. 2. Чита : Поиск, 2004. 295 с.
36. Швецов Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М. : Высшая школа, 1970. 207 с.

References

1. Bepal'ko D. N. Issledovanie Kalarskogo raiona okhotovedcheskoi ekspeditsiei 1950 goda po uchetu okhotnich'e-promyslovoi fauny [Study of the Kalar district by a hunting expedition in 1950 to account for the hunting and commercial fauna]. *Zabaikal'e istoricheskoe. VII Mezhhregional'naya nauch.-prakt. konf., 30 noyabrya 2018 g.* [Historical Trans-Baikal. VII Interregional sci. and pract. conf., Nov. 30, 2018]. Chita, ZabGU Publ., 2018, pp. 5—10. (In Russian)
2. Bepal'ko D. N. Problemy regulirovaniya traditsionnykh osnov okhotnich'ego promysla malykh narodov Zabaikal'ya v 1920—1922 gg. [Problems of regulating the traditional bases of hunting for the small peoples of Trans-Baikal region in 1920—1922]. *Ukreplenie edinstva rossiiskoi natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Zabaikal'ya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Chita, 16 maya 2019 g.)* [Strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of Trans-Baikal region. Proceed. of the Internat. sci.-pract. conf. (Chita, May 16, 2019)]. Chita, ZabGU Publ., 2019, pp. 116—118. (In Russian)
3. Bentkhen P. V. Resursy okhotnich'ei fauny i perspektivy razvitiya okhotnich'ego khozyaistva Kalarskogo raiona Chitinskoi oblasti v svyazi s promyshlennym osvoeniem [Resources of the hunting fauna and prospects for the development of the hunting economy of the Kalar district of the Chita region in connection with industrial development]. *Izvestiya Irkutskogo sel'skokhozyaistvennogo instituta*, 1967, is. 25, part 1, pp. 100—147. (In Russian)
4. Buturlin S. A. *Nastol'naya kniga okhotnika* [Hunter's Handbook]. Vologda, Vsekokhotosoyuz Publ., 1930. 352 p. (In Russian)
5. Vodop'yanov B. G. Snezhnyi baran v Severnom Zabaikal'e i vozmozhnosti ego khozyaistvennogo ispol'zovaniya [Bighorn sheep in Northern Trans-Baikal region and the possibilities of its economic use]. *Puti povysheniya effektivnosti okhotnich'ego khozyaistva* [Ways to improve the efficiency of the hunting economy]. Irkutsk, 1971, part 1, pp. 55—57. (In Russian)
6. Vol'fman G. I. *Otvetstvennost' za prestupleniya v oblasti okhrany prirody. Kvalifikatsiya i nakazanie* [Responsibility for crimes in the field of nature protection. Qualification and punishment]. Saratov, Saratovskii un-t Publ., 1984. 80 p. (In Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya* [State Archive of the Trans-Baikal Territory] (GAZK). F. R-1565. Op. 1. D. 2.
8. GAZK. F. R-1565. Op. 1. D. 4.
9. GAZK. F. R-1565. Op. 1. D. 26.
10. GAZK. F. R-1565. Op. 1. D. 38.
11. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 3.
12. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 6.
13. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 14.
14. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 22.
15. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 25.
16. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 34.
17. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 36.
18. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 48.
19. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 53.
20. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 65.
21. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 66.

22. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 70.
23. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 76.
24. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 80.
25. Gaidin S. T., Burmakina G. A. *Istoriya okhotnich'ego i rybnogo khozyaistva Prieniseiskogo regiona (1822—1991 gg.)* [History of hunting and fishing in the Yenisei region (1822—1991)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk gos. agrar. un-t Publ., 2015. 370 p. (In Russian)
26. Gartfel'd A. A. Vidy otvetstvennosti za nezakonnuyu okhotu (brakon'erstvo) v Rossii v pervoi polovine XX v. [Types of responsibility for illegal hunting (poaching) in Russia in the first half of the XX century]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie — Man: Crime and Punishment*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 65—71. (In Russian)
27. Gerasimov Yu. A. *Spravochnik egerya* [Gamekeeper's Handbook]. Moscow, Agropromizdat Publ., 1988. 271 p. (In Russian)
28. Gololobov E. I. Pushnoi promysel v sisteme khozyaistva Tobol'skogo Severa v 1920-e gg. (k voprosu o stanovlenii regional'nogo prirodnokhrannogo zakonodatel'stva) [Fur trade in the economy of the Tobolsk North in the 1920s. (to the question of the formation of regional environmental legislation)]. *Severnyi region*. Surgut, 2001, no. 2 (4), pp. 161—173. (In Russian)
29. Gololobov E. I. *Chelovek i priroda na Ob'-Irtyskom Severe (1917—1930): Istoricheskie korni sovremennykh ekologicheskikh problem. 2-e izd., pererab. i dop.* [Man and nature in the Ob-Irtys North (1917—1930): Historical roots of modern environmental problems. 2nd ed., rev. and add.]. Khanty-Mansiisk, Izdat. dom "Novosti Yugry" Publ., 2013. 214 p. (In Russian)
30. Zakon RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g. "Ob okhrane prirody v RSFSR" [Law of the RSFSR of October 27, 1960 "On the protection of nature in the RSFSR"]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR]. 1960, no. 40. (In Russian)
31. Zvonkov B. N. *Ugolovno-pravovaya bor'ba s brakon'erstvom v SSSR: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal-legal fight against poaching in the USSR. Cand. Dis.]. Rostov-on-Don, 1967. 230 p. (In Russian)
32. Lavrinaitis T. Berech' taigu ot brakon'erstva [Protect the taiga from poaching]. *Zabaikal'skii rabochii*, 1957, June 14. (In Russian)
33. Mertsalov V. I. *Zabaikal'e v kontekste rossiiskoi istorii (seredina XVII — nachalo XXI v.)* [Trans-Baikal territory in the context of Russian history (mid 17th — early 21st centuries)]. Chita, ZabGU Publ., 2019. 158 p. (In Russian)
34. *Okhota v Zabaikal'e: sb. rasskazov. Vyp. 1—5* [Hunting in Trans-Baikal region. Collect. stories. Iss. 1—5]. Chita, Forward Publ., 2010—2022. (In Russian)
35. Samoilov E. B. *Zapiski okhotoveda. Kn. 2* [Hunter's Notes. Book 2]. Chita, Poisk Publ., 2004. 295 p. (In Russian)
36. Shvekov G. V. *Pervyi sovetskii ugolovnyi kodeks* [The first Soviet criminal code]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 207 p. (In Russian)

Информация об авторе

Д. Н. Беспалько — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

D. N. Bepalko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 20.02.2023